

Леся Луговая

Не говори мне правду

УДК 82-3
ББК 84-4
Л83

Луговая Л.

Л83 Не говори мне правду / Леся Луговая. – М.: Литнет, 2026. – 192 с.

ISBN 978-5-524-01241-8

Они встретились на парковке бизнес-центра. Он – владелец компании, привыкший к безоговорочному подчинению. Она – новый менеджер с глазами загнанного зверька и обручальным кольцом. Максим нарушил два главных правила за день: не трогать сотрудников и не связываться с замужними женщинами. Но он не знает самого важного: ее брак – лишь фасад, скрывающий десятилетиями копившуюся боль.

Милана научилась лгать раньше, чем говорить правду. Ложь стала ее защитой, убежищем и единственным оружием против тех, кого по закону считала своей семьей. Она уже однажды сбежала из ада, инсценировав собственную смерть. И когда Максим вторгается в ее новую, хрупкую жизнь с требованием честности, она продолжает защищаться. Ведь правда может как убить, так и спасти.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-01241-8

© Литнет, 2026
© Луговая Л., 2026

Часть первая

Глава 1

Он не понимал, что держит его здесь уже седьмую минуту. Семь минут, которые растянулись в вечность. Он, Максим Андреевич Белов, генеральный директор крупной компании, человек, чье слово – закон для сотни подчиненных, сидел в своей машине и пялился на нее, как нашкодивший школьник на витрину с новеньким телефоном. Ничего особенного, твердил он себе. Обычная девушка. Синий пуховик небрежно накинут на плечо – фигуру толком не разглядеть, но угадывается точеная. Черты лица правильные, даже скучные. Можно сказать, симпатичная, но таких в каждой второй маршрутке по три штуки. Русые волосы безжалостно стянуты в тугой пучок на затылке. Глаза? С такого расстояния не разобрать. Мозг услужливо перебирал эти сухие, безжизненные факты, пока его хозяин занимался самосожжением – мысленно, конечно, но от того не менее болезненно.

В планах на сегодня – куча незакрытых дел после двухнедельной командировки в Питер. Складские отчеты, контракты на подпись, звонок логистам. Нужно просто выйти из машины, подняться в офис и разобрать эти завалы. Но он сидел, вцепившись пальцами в руль, и не мог оторвать взгляд. Почему она меня зацепила? Или это со мной что-то не так?

Девушка стояла у центрального входа – традиционного места притяжения курильщиков, хотя сама даже не держала сигарету в руках. Рядом с ней, активно жестикулируя дымящейся сигаретой, что-то эмоционально вещала Карина Александровна, их вечно недовольный

менеджер по продажам. А он, которого боятся конкуренты по всему СНГ, ловил каждое движение этой незнакомки. Вот она медленно, словно нехотя, поворачивает голову в его сторону, смотрит прямо на тонированное стекло его машины.

Ему было плевать, что его могут заметить. Тонировка плотная, расстояние приличное – снаружи ничего не видно, но внутри все оборвалось.

Карина бросила окурок в урну, сказала что-то на прощание и хлопала девушку по плечу. Та улыбнулась в ответ. И эта улыбка – с ямочками на щеках – предназначалась ему. Ему одному. Девушка развернулась и скрылась за стеклянной дверью офиса. А он остался сидеть, оглушенный и взбудораженный. Как так вышло? Неужели она все видела?

Включилась привычная холодная аналитика. Раз зашла в здание – значит, здесь работает. Посторонним вход в бизнес-центр запрещен, пропускная система. Карина не стала бы тратить время на пустые разговоры с посторонним человеком. Вакансии? Перед его отъездом открыта позиция менеджера по экспорту в отдел текстовых разработчиков, и больше ничего. Память услужливо подсказала анкету, которую он в спешке подписал перед отлетом.

Стоп. «Сопли распустил, – мысленно скомандовал он себе. – Работе мешаешь. Выкинь ее из головы и ставь точку». Он никогда не смешивал личное и работу. Это железный закон, табу, нерушимая граница. Но внутри что-то противно, настойчиво скреблось, и он уже знал, что сейчас совершит роковую ошибку.

Поднявшись на третий этаж, он первым делом схватил внутренний телефон.

– Добрый день, Максим Андреевич! – пропела Карина Александровна из отдела кадров, услышав его короткое «Здравствуйте».

– Добрый. Вы кого-то брали на работу на позицию менеджера по экспорту после моего отъезда? – спросил он сухо, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри все кипело адской смесью любопытства и тревоги.

– Да! Нам невероятно повезло, отличный специалист с хорошими рекомендациями. Милана Сергеевна Соколова. Работает вторую неделю. Очень интеллигентная, спокойная девушка, сразу влилась в коллектив.

Она. Милана. Красивое имя.

– Кого-то еще? – на всякий случай уточнил он, хотя уже знал ответ.

– Нет, больше никого. Только она.

Значит, точно она. Решение должно быть очевидным – позвонить в отдел кадров и уволить. Сию секунду. Пока это наваждение не зашло слишком далеко. Но эта девушка уже успела вьестись в его мозг за те несколько минут, что он на нее пялился. Логика дала сбой.

– Подготовьте мне ее личное дело, – бросил он и тут же набрал службу безопасности, добавив: – Новый сотрудник – полный файл на Соколову Милану Сергеевну.

Через три минуты перед ним лежала коричневая папка с ее именем. Имя красивое. Он открыл – и вот она, смотрит с фотографии широко распахнутыми голубыми глазами. Он заставил себя оторваться от ее лица и пролистал страницы. Обычная биография: школа, университет, курсы, скучные рекомендации с прошлых мест работы. Ничего выдающегося. Но когда его взгляд зацепился за одну короткую деталь, он едва не сбросил папку на пол. Рука дрогнула.

Вторая ошибка – он уже не мог остановиться. Ему нужно было увидеть ее снова. Посмотреть в эти глаза вживую, а не на глянцевой фотографии.

– Каролина Дмитриевна, пригласите ко мне нового менеджера по экспорту, – сказал он референту, стараясь, чтобы голос звучал максимально равнодушно.

Вскоре Милана вошла и села напротив, осторожно, как птичка, которая боится, что клетка захлопнется. А на столе все еще лежала раскрытая папка. И на цветном фото, которое он изучал минуту назад, была она. Глаза действительно оказались голубыми – яркими,

почти прозрачными. И еще одна деталь, от которой у него все обвалилось внутри: в графе «семейное положение» жирным шрифтом стояло «замужем».

У него есть два принципа. Первый – никогда не смешивать личное и работу. Второй – не связываться с замужними женщинами. Это слишком больно, слишком грязно и слишком опасно. Но ради этой девушки он был готов плюнуть на все.

«Все! – в который раз мысленно поклялась Милана, возвращаясь на рабочее место после перекура. – Карина, в последний раз ты уговорила меня выйти на эту проклятую улицу».

Сил не было от слова «совсем». Она пыталась сосредоточиться на вчерашних документах, но взгляд то и дело предательски возвращался к окну. Тот самый автомобиль: черный, хищный, с тонированными стеклами. Милана узнает его из тысячи. Она вообще мало что понимает в машинах, но эту модель ее муж, Никита, обожает до дрожи. Как маленький ребенок, честное слово. Даже заставка на домашнем ноутбуке – черный «зверь» на фоне кровавого заката.

И вот этот «зверь» стоит на парковке у ее нового места работы, и сердце колотится как бешеное. Ничего плохого не должно случиться. Ее утвердили неделю назад, обошла еще пятерых кандидатов. Работа нравится – спокойная, размеренная, в основном бумаги и звонки. Коллектив нормальный, девушки приветливые. Но нервы все равно на пределе. Зачем она вообще согласилась на этот перекур? Сидела бы за столом и не дергалась.

– Милана, – отвлек ее звонок коллеги, – Максим Андреевич тебя вызывает!

– Эм... – Милана лихорадочно перебирала в голове ФИО начальства. В первый день от обилия информации у нее шла кругом голова. Она запомнила только тех, с кем работала напрямую: Соню,

Карину из кадров, водителя Матвея. – А это кто? – переспросила она тихо.

Повисла гробовая тишина. Семь пар женских глаз уставились на нее с немим ужасом. Милана почувствовала, как к лицу приливает жгучая краска стыда. Соня, сжалившись над ней, прошептала одними губами:

– Генеральный директор наш.

Вопрос «Почему он меня зовет?» застрял в горле комом отчаяния. Ну как, как можно было забыть имя и должность генерального директора? Идиотка! Милана медленно поднялась из-за стола, чувствуя, как горят щеки.

Поднимаясь на третий этаж по широкой лестнице, она пыталась нащарить в памяти хоть какие-то крупницы информации об этом человеке. Имя – Максим Андреевич. Все. Больше ничего. Впервые в жизни она пожалела, что не интересуется офисными сплетнями. У дверей приемной ее уже поджидала личная секретарша генерального, Каролина Дмитриевна Воронцова.

– Милана, наконец-то! – выдохнула Каролина, хватая ее за локоть и подталкивая к двери. – Ты такая медленная. А Максим Андреевич ненавидит ждать.

– Стоп, – Милана притормозила и уставилась на секретаршу. – Что значит «неневидит ждать»? В каком смысле?

– Милана, – Каролина загадочно улыбнулась, – в каком бы строении он ни был, он всегда справедлив. Ты, главное, не бойся и говори правду. – С этими словами она, не постучавшись, открыла дверь в кабинет.

Робко, считая каждый свой шаг, Милана вошла. Раз, два, три... дверь за спиной мягко закрылась. Четыре, пять, шесть... глухой стук ее каблуков по паркету казался ей оглушительным. Семь – она подняла глаза на человека за столом и замерла.

Мужчина, сидящий напротив, не был писаным красавцем с гляцевых обложек. Обычный, казалось бы. Но было одно огромное

«но», перечеркивающее всю эту обыденность, – животный, первобытный магнетизм. От него исходила такая сила, такая давящая энергетика, что по коже Миланы побежали мурашки, а внизу живота разлилось липкое, тягучее тепло, которого она никогда не испытывала рядом с мужем.

Когда он наконец соизволил поднять на нее глаза, Милане показалось, что через нее пропустили тысячу вольт. Мужчина медленно, с ног до головы, осмотрел ее, задержался взглядом на лице, спустился к губам. Она была уверена – он видит, как она мелко дрожит. Видит прикушенную от волнения нижнюю губу, расширенные зрачки. И судя по тому, как опасно сжались его челюсти, ему это совсем не нравилось. Но она не могла отвести взгляд. Он – тоже.

А потом он открыл рот и ледяным, режущим тоном отчеканил:
– Вы уволены.

В глазах защипало от обиды и полнейшего непонимания. Милана резко развернулась, чтобы выбежать вон, но только взялась за ручку двери, как та с оглушительным грохотом захлопнулась обратно. По обе стороны от ее головы уперлись в дверь его сильные руки. Сзади, почти вплотную, но не касаясь, замерло его массивное тело. Жар, который она чувствовала минуту назад, усилился в десять раз. Она замерла, боясь даже дышать. Горячее дыхание коснулось ее шеи, и стоя бешеных бабочек заметалась где-то в животе. Из горла вырвался произвольный тихий стон.

В тот же миг Максим Андреевич впился поцелуем в ее шею, одновременно приподнимая ее и прижимая к себе. Реальность куда-то улетучилась, словно ее разорвало на куски. Остались только ощущения: его тело сзади, горячее, надежное; влажный след от поцелуя на коже; медленное скольжение языка вверх, к мочке уха; и хриплое дыхание, жадно втягивающее ее запах. Молниеносное движение – и вот он уже держит ее за подбородок, заставляя повернуть голову и смотреть ему прямо в глаза. Такого голода, такой дикой, первобытной жажды она не видела ни у кого за всю свою жизнь.

Милана попыталась отступить, упереться рукой ему в грудь, но он грубовато-нежно обхватил ее бедра, приподнял над полом и прижал к себе. Его возбуждение было очевидным. И именно оно стало спусковым крючком для паники, которая начала накрывать ее с головой, сменяя первобытное желание животным страхом.

– Отпусти, – прошептала она осипшими губами. Ноль реакции. – Отпусти меня, – уже громче, вкладывая в голос всю сталь, на которую была способна, и упираясь обеими руками ему в грудь.

Игнорирование. Он просто смотрел. Этот взгляд снова прострелил разрядом электричества в живот.

– Отпусти, отпусти, отпусти! – она начала судорожно вырываться, и он... отпустил. Точнее, резко оттолкнул от себя, как надоевшую кошку.

Дверь спасения осталась за его спиной. Только когда ее дыхание немного выровнялось, она услышала резкое, командное:

– Садись.

Милана удивленно подняла глаза – лицо Максима было спокойным, даже равнодушным. Глаза пустые, словно выключили свет, будто минуту назад ничего не происходило. Пока она хлопала ресницами в полном недоумении, он начал терять терпение.

– Я сказал: садись. Не там. За стол.

Она быстро, как нашкодившая собака, переместилась в кресло для посетителей по ту сторону стола. Максим спокойно сел в свое кожаное кресло, откинулся на спинку и сложил руки в замок.

– Надеюсь, ты умница и понимаешь, что только что произошло, – его бесстрастие ставило в тупик.

– Я понимаю, что больше не работаю на вас, – выдавила Милана, пытаясь поставить его на место и хоть как-то вернуть себе контроль. – И не понимаю, о чем этот разговор.

– Ты работаешь на меня. Я передумал тебя увольнять.

– И часто вы так меняете решение за одну минуту?

– Нет, никогда. Но у Карины Александровны очень хорошее мнение о вас. Она давно никого так не хвалила. Поэтому мы забудем

о небольшом инциденте, который произошел между нами. И он больше не повторится.

Милана пыталась понять суть монолога Максима, но движение его губ не позволяло сосредоточиться. На одно короткое мгновение она представила, какие ощущения эти губы могут дать, и невольно облизала верхнюю губу.

– Прекрати немедленно! Я не железный! – неожиданный рык заставил ее подскочить со стула и отшатнуться обратно к двери. – Милана, хочешь, я снова тебя догоню? – он откинулся назад и усмехнулся.

Господи, как у человека может так быстро меняться настроение? Нервы были на пределе.

– Максим Андреевич, при всем уважении, я не смогу работать в вашей компании. Мне кажется, это очевидно, – получилось спокойно и рассудительно. Милана мысленно похвалила себя за выдержку.

– Вы решили вернуться к роли домохозяйки? Будете тратить еще несколько месяцев на поиски новой работы, пока ваш муж будет таскать вас по собеседованиям?

Что за чушь? Он что, издевается?

– Это не ваше дело. И уж точно не вам меня судить.

Максим подался вперед, положил локти на стол, снова сцепил пальцы замком. Кончики вытянутых указательных пальцев касались его губ, слегка постукивая по ним. Глаза изучали ее, раздевали, сканировали. Как будто он думал, как правильно объяснить ребенку, что Деда Мороза не существует. Ничего хорошего она сейчас не услышит.

– Знаешь, в чем дело, Милана? У меня есть два принципа, которые я не нарушал никогда. Начало многообещающее, правда? – он усмехнулся собственной иронии. – Первый: я никогда не смешиваю работу и личные отношения. Так что, если ты уйдешь сейчас, я сохраню принцип в чистоте. Но в ситуации с тобой я готов плюнуть на свой второй принцип – не связываться с замужними.